

Троцук И.В.
Trotsuk I.V.

**ТРАКТОВКИ СЧАСТЬЯ И СПРАВЕДЛИВОСТИ –
ОСНОВА ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ ИЛИ
КОНФЛИКТА?¹
INTERPRETATIONS OF HAPPINESS AND JUSTICE –
THE BASIS FOR GENERATIONAL SOLIDARITY OR CONFLICT?**

В последние годы в российском и зарубежном научном дискурсе актуализировались вопросы социального порядка, социального согласия, социальной солидарности, а также их причин и факторов разрушения. Нередко в качестве таковых постулируются принципиальные ценностно-нормативные расхождения групп и сообществ, в том числе поколений, и тогда речь идет либо об относительно нейтральном «конфликте поколений», либо о пугающих формах социальной аномии (в дюркгеймовском смысле, но в мертоновских проявлениях). Автор предлагает отказаться от негативно-оценочных контекстов поколенческого анализа и сосредоточиться на поисках ответа на вопрос, столь ли различны фундаментальные мировоззренческие ценности возрастных групп российского общества. Для этого в начале статье дается краткая характеристика поколенческого анализа в его междисциплинарной трактовке и социологической специфике. В основной части статьи представлены отдельные тематические блоки двух общероссийских онлайн-опросов, которые позволяют оценить сходства и различия поколенческих трактовок счастья и справедливости. В заключение делаются выводы о том, что эмпирические данные свидетельствуют о наличии в российском обществе ценностных оснований для поколенческой солидарности и диалога.

Поколение; поколенческий анализ; возрастные группы; смысложизненные ценности; счастье; (социальная) справедливость; (социальная) несправедливость; онлайн-опрос

Вопросы обеспечения межкультурного и межрелигиозного диалога неизменно находятся в фокусе внимания руководителей государства и средств массовой информации. Однако вряд ли можно говорить о решении этой группы вопросов, не принимая во внимание фундаментальную для

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

любого общества задачу – достижения межпоколенческого диалога как основы всех прочих форм социального взаимодействия. С одной стороны, смена и конфликт поколений, внутри- и межпоколенческая передача статусных позиций, ценности и жизненный опыт возрастных групп всегда интересовали представителей социальных наук – как в теоретическом аспекте (концептуальные определения, варианты типологизации и т.д.), так и в эмпирическом (оценка механизмов передачи материального и духовного наследия, причины конфликта «отцов и детей», сходства и различия мировоззренческих доминант разных поколений и т.д.). С другой стороны, в научном дискурсе до сих пор сосуществуют разнообразные трактовки поколения и дискутируются многие фундаментальные и прикладные аспекты поколенческого анализа.

Охарактеризуем кратко трудности этого предметного поля. Во-первых, понятие поколения междисциплинарно не в силу своей содержательной фрагментарности или неочевидности, а потому что разные дисциплины акцентируют в нем разные аспекты, исходя из собственных исследовательских задач. Акцент может быть сделан на трактовке поколения как пространственно-хронологической общности (главное – возраст), как идейно-духовной общности (схожее мировоззрение, общие духовно-нравственные идеалы) или как временно господствующей общности (в последних двух случаях поколение обретает символический смысл) [см., напр.: 4; 31; 33]. Во-вторых, отсутствие однозначного и общепринятого определения поколения затрудняет выделение этапов жизненного пути и сопоставление поколений: если мы понимаем поколение в социально-демографическом смысле, то для анализа важнее социально-структурные различия, если в мировоззренчески-символическом смысле, то культурно-символические особенности [см., напр.: 5; 10]. В-третьих, как бы представители социальных наук ни понимали поколение, в эмпирических исследованиях мы вынуждены говорить о поколениях в социально-демографическом ключе, поскольку именно такая трактовка доминирует в обыденном сознании: как правило, люди говорят о «своем поколении», подразумевая в виду сверстников и отличая себя от предшествующих и последующих возрастных групп; людей, живущих с нами в одно время, мы считаем современниками, а не единым гипотетическим поколением, и даже когда характеризуем поколения метафорически, все равно имеем в виду типологические черты возрастных когорт [см., напр.: 3; 8; 9; 13; 23; 24].

В эмпирических исследованиях редко упоминается «поколенческий анализ» – обычно таковой подразумевается при сопоставлении ответов на вопросы нескольких групп с заданными возрастными границами. Если различий ответов по критерию принадлежности к определенному «поколению» в данных не обнаруживается, делается вывод о своего рода «монолитном» общественном мнении; если же значимые расхождения наблюдаются, то предполагается воздействие разных условий социализации и жизнедеятельности, которые обусловили типичные для каждого поколения, но отличающие его от других, потребности, ценностные

ориентации и формы поведения [см., напр.: 2; 10]. Во втором случае социологи стремятся зафиксировать различия в метафорических типологиях, дополняя социально-демографический анализ символической компонентой: «довоенное, молчаливое, поколение протеста, потерянное» [11. С. 38]; «околовоенное, доперестроечное, поколение переходного периода и послеперестроечное» [10. С. 88-89]; «поколение “революционного перелома”, мобилизационной системы, “оттепели”, “перестройки и реформы”» [12; 32] и др.

Снижая активистский пафос (поколение как политический субъект истории) определения, предложенного Х. Ортега-и-Гассетом, следует все же согласиться с тем, что «поколение – это... как бы новое целостное социальное тело... заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией... Его члены приходят в мир с некоторыми типичными чертами, придающими им общую физиономию, отличающую их от предшествующего поколения... Каждое поколение представляет собой некую жизненную высоту, с которой определенным образом воспринимается существование» [20. С.143]. К. Мангейм конкретизировал основные характеристики поколения – определенное положение в обществе (объективный возраст и детерминированный им статус), специфические взаимосвязи и некоторое единство («социальная судьба», мировоззренческая солидарность и т.д.) [см., напр.: 16].

Для отечественной традиции характерно использование понятий «поколенческий кризис/конфликт» при сопоставлении социального статуса и идеологии поколений: например, согласно Ю. Лотману, что XVIII веке поколенческий конфликт был обусловлен столкновением людей с интеграционными и индивидуалистическими ценностями [14. С. 254-255]; была предпринята попытка охарактеризовать поколения по социальному происхождению революционных элит каждого из них [12. С. 255-262]. В советском обществознании поколенческая проблематика исследовалась мало, а в постсоветский период здесь оформилось два направления работы: одни авторы обращались к понятию поколения для изучения воспроизводства социальной структуры (поколения как возрастные когорты) и реконструкции жизненных траекторий разных поколений; другие авторы сосредоточились на молодежи как особой социально-демографической группе и основном агенте социальных изменений, «включая интеллектуальные и организационные альтернативы, которые он противопоставляет существующим мировоззрениям, ценностям и жизненным стилям» [2. С. 170].

Вероятно, второе направление следует признать доминирующим в российской социологии, поскольку она фокусируется на молодежи, часто «забывая» о самой старшей группе населения и игнорируя подростков – «молодежь» в социологических исследованиях, как правило, начинается с 18 лет, реже – со школьников старших классов. Кафедра социологии РУДН вписывается во второе направление, потому что студенты – самый доступный объект исследования, и меняются лишь контексты сопоставления

эмпирических данных: мы проводим мониторинговые проекты для сравнения ценностных ориентаций разных «поколений» российской молодежи или мировоззренческих доминант студентов разных стран. Как правило, тематики социологических опросов студенчества касаются образовательных и профессионально-трудовых ценностей, межличностного взаимодействия (родительская семья, друзья, круг общения, любовь), брачно-семейных и демографических, политических ценностей (участие в выборах, интерес к политике, оценка внешней политики страны, патриотизм, уровень доверия социальным институтам), религиозных верований, критериев жизненного успеха и т.д. В частности, было отмечено прагматичное отношение молодежи к высшему образованию с точки зрения карьерных траекторий и перспектив, опора на семейно-родственный круг, высокий уровень тревожности, который, впрочем, не приводит к пессимизму и безрадостному жизненному настрою и т.д. [см., напр.: 17; 18; 19].

По всем перечисленным и многим другим смысложизненным ценностям могут наблюдаться серьезные поколенческие расхождения, однако они не столь значимы для социальной солидарности, как разное восприятие таких фундаментальных ценностей, как счастье и справедливость. В декабре 2021 года был проведен общероссийский онлайн-опрос по тематике счастья [см. подробнее об эмпирическом изучении понятия в: 1; 6; 7; 34; о проекте в: 26; 28; 29; 30; 36], в апреле 2022 года – по тематике справедливости [см. подробнее о концептуализации понятия в: 15; 21; 22; 25; 27; 35]. Опросы были проведены на онлайн-панели компании «Тибурон»: выборка составила 800 человек и была квотирована по четырем возрастным группам: 14-19 лет (подростки), 20-29 (молодежь), 30-49 (зрелость), 50-69 (старшее поколение). Будучи ограничены размерами публикации, обозначим основные результаты двух опросов в их поколенческом измерении, чтобы охарактеризовать степень поколенческого согласия российского общества в трактовке счастья и справедливости.

В Таблице 1 представлены «расхожие представления о счастье».

Таблица 1

Доли согласных с определениями счастья, в %

Расхожие представления о счастье	Всего	14-19	20-29	30-49	50-69
Умей находить радость в жизни – вот лучший способ привлечь счастье	91	93	93	89	95
Счастье – это когда тебя понимают	82	81	78	87	80
Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом	80	78	81	74	77
Счастье – это не цель, а образ жизни	78	76	84	73	80
Исключительное счастье человека – быть при своем любимом деле	77	80	79	74	70
Не существует пути к счастью: счастье – это и есть путь	77	74	73	77	72

Расхожие представления о счастье	Всего	14-19	20-29	30-49	50-69
Счастье увеличивается от того, что им делишься с другими	76	72	72	69	77
Большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливы	75	76	82	65	67
Счастье – довольствоваться тем, что у тебя уже есть	70	69	66	68	59
Никогда не будет счастлив тот, кого мучает вид большего счастья	70	75	67	72	71
Счастье – рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на конкретные обстоятельства жизни	67	67	72	60	57
Счастье – состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит	66	60	60	64	68
Единственная в жизни серьезная неудача – не научиться быть счастливым	64	67	58	59	61
Счастье – просто хорошее настроение: то по поводу, то без, то длительное (на несколько дней, недель или месяцев), то кратковременное	63	59	58	54	62
Счастье – результат тяжелого труда по налаживанию своей жизни	61	65	68	59	49
Счастлив тот человек, чьи радости требуют меньше всего денег	60	58	53	66	60
Счастье – мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает	60	63	59	57	60
Истинное счастье любит уединение; оно враг шума и роскоши и рождается, главным образом, из любви к себе	56	72	50	48	54
Ум – первое условие для счастья	52	43	45	54	48
В жизни есть лишь одно счастье – любить и быть любимым(ой)	49	47	43	51	50
Человек обязан быть счастливым: если он несчастлив, то сам виноват	43	30	40	52	48
Приносить пользу миру – единственный способ стать счастливым	32	34	29	33	29
Никто не бывает вполне счастлив, если у него нет свидетелей его счастья	23	26	21	19	20
Счастье – миф, чтобы людям было ради чего жить	18	17	11	24	17

Результаты условного ранжирования показывают, что в российском обществе доминирует личностная трактовка счастья, т.е. человек – «творец своего счастья»: если умеет находить радость в жизни (91%) и людей, которые его понимают (82%), не гоняется за счастьем как чем-то внешним, а ищет его в себе (80%), определяет счастье не как цель, а как образ жизни (78%) – с любимым делом (77%), выбранным жизненным путем (77%) и близкими людьми (76%), поэтому «большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми» (75%), если довольствуются тем, что у них есть (70%) и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью (70)%.

Принципиальных поколенческих различий здесь не прослеживается (колебания значений почти укладываются в пределы статистической погрешности), а если встречаются, то вполне предсказуемы. Признание, что «счастье – это не цель, а образ жизни», более характерно для старшего поколения (84% против 70% у подростков); подростки чаще полагают, что счастливым человека делает любимое дело (80% против 71% в старшей группе), усилия по налаживанию своей жизни (67% против 54%), непоказная любовь к себе (63% и 67% молодых поколений против 46% и 49% в двух старших). Подростки реже считают, что человек сам решает быть счастливым (70%, в группе 20-29-летних – 82%), что «ум – первое условие для счастья» (45% и 47% молодых поколений против 56% и 58% в старших), и, тем более, что человек обязан быть счастливым, и сам виноват, если у него это не получается (29% против каждого второго в группе старше 30 лет). Старшее поколение максимально согласно с двумя суждениями – о счастье как образе жизни, а не цели (84%), и о несовместимости счастья с мучительной завистью (78% против 64% у подростков). В целом до 30 лет люди чаще считают, что быть счастливым – это личное рациональное решение, а после 50 лет – реже согласны с тем, что счастье – довольствоваться тем, что у тебя есть, и результат тяжелого труда по налаживанию жизни, но чаще признают, что человек обязан быть счастлив, и несчастье – его личная вина; подростки чаще полагают, что истинное счастье любит уединение. Иными словами, в российском обществе наблюдается поколенческий консенсус в понимании счастья, поколенческие различия здесь незначительны, не меняют принципиальной иерархической структуры ценностных компонентов счастья и обусловлены очевидными поколенческими особенностями (молодые поколения более идеалистичны и оптимистичны, старшие – более реалистичны, но тоже признают личную ответственность за решение быть или не быть счастливым).

Каждый второй (50%) считает, что определенные люди/события/эмоции делают нас счастливыми, 39% затрудняются ответить однозначно, а каждый десятый (11%, чаще люди старше 30 лет – 14-15% против 8-9%) уверен, что счастье – это «личное решение/мнение/состояние», т.е. человека нельзя сделать счастливым (Рис. 1).

Рис. 1. Представления о возможности сделать человека счастливым, в %

Значимое поколенческое различие прослеживается в том, что в старшей группе снижается доля уверенных в возможности сделать человека счастливым за счет возрастания доли убежденных, что счастье – всегда личное решение. Данное различие – видимо, результат влияния объективного фактора снижения уровня доходов и качества жизни у старших поколений, что превращает ощущение счастья в стесненных жизненных обстоятельствах в личный выбор. С возрастом снижается доля уверенных в том, что счастьем при желании можно одарить другого (с 60% у подростков до 39% в старшей группе), за счет возрастания доли придерживающихся противоположной точки зрения – о невозможности поделить счастье (с 9-8% в молодости до 17%-21% после 30 лет) (Рис. 2).

Рис. 2. Представления о возможности поделиться счастьем, в %

По ответам на вопрос, что в наибольшей степени определяет сегодня чувствует себя человек счастливым или нет, условные факторы счастья можно сгруппировать в несколько блоков (Табл. 2), но наиболее значимые факторы набрали свыше 45%, т.е. их назвал практически каждый второй. Безусловные лидеры – здоровье (76%), семья (72%) и любимый человек (70%); на втором месте – исполнение желаний/мечты (63%), материальное положение (61%), друзья (57%), свободное время/увлечения и профессия/работа (54% и 55%); на третьем – везение/удача (45%), т.е. «персональные» аспекты жизни – личные предпочтения, личное благополучие и ближний социальный круг. Со значительным отставанием следует блок факторов, выбранных почти каждым третьим – насколько справедливо устроено общество (35%), состояние окружающей среды (32%), место жительства (31%) и общая ситуация в стране (28%), т.е. внешние аспекты жизни, на которые человек мало может повлиять. Четвертый условный блок составили факторы, которые были указаны примерно каждым пятым – ситуация в мире и общественное признание, возраст и уровень образования; наименее значимы – исповедуемая религия, дата рождения, пол и политические взгляды.

Таблица 2

«Факторы» счастья, в %

Фактор	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
Здоровье	76	69	79	71	85
Семья (наличие/отсутствие,	72	70	71	72	77

Фактор	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
отношения внутри семьи и т.п.)					
Наличие любимого человека	70	67	72	68	73
Исполнение желаний/мечты	63	70	64	57	60
Материальное положение	61	61	67	60	57
Наличие друзей	57	67	56	51	55
Профессия/работа	55	61	60	53	45
Свободное время и увлечения	54	63	54	49	49
Везение/удача	45	48	43	44	47
Насколько справедливо устроено общество	35	38	32	30	39
Состояние окружающей среды (климат, экология и т.п.)	32	32	36	32	30
Место жительства	31	34	36	30	24
Общая ситуация в стране (экономическая, политическая, социальная и т.п.)	28	20	27	30	36
Общественное признание	22	34	22	16	15
Возраст	20	15	20	20	26
Общая ситуация в мире (экономическая, политическая, социальная и т.п.)	19	17	20	20	20
Уровень образования	17	20	16	15	15
Исповедуемая религия	6	6	6	6	6
Дата рождения (знак зодиака, символ года, фаза луны и т.п.)	5	5	6	4	4
Политические взгляды	4	5	5	4	4
Пол	4	7	4	4	2
Другое	2	2	3	4	1

Поколенческие различия в выборе факторов счастья не имеют принципиального характера и вполне предсказуемы: с возрастом становятся очевиднее (на личном опыте) жизненные ограничения, связанные со здоровьем, поэтому его роль возрастает; подростки отличаются юношеским максимализмом и идеализмом, поэтому чаще отмечают исполнений желаний/мечты, наличие друзей, свободное время и общественное признание; с возрастом снижается важность профессии/работы, места жительства и общественного признания и возрастает значение общей ситуации в стране; справедливость общественного устройства несколько более значима для подростков и старшего поколения (вероятно, потому что эти группы более зависимы от внешней поддержки и обстоятельств, чем самые экономически и социально активные 30-49-летние).

Распределение факторов счастья соответствует иерархии смысложизненных ценностей (Рис. 3).

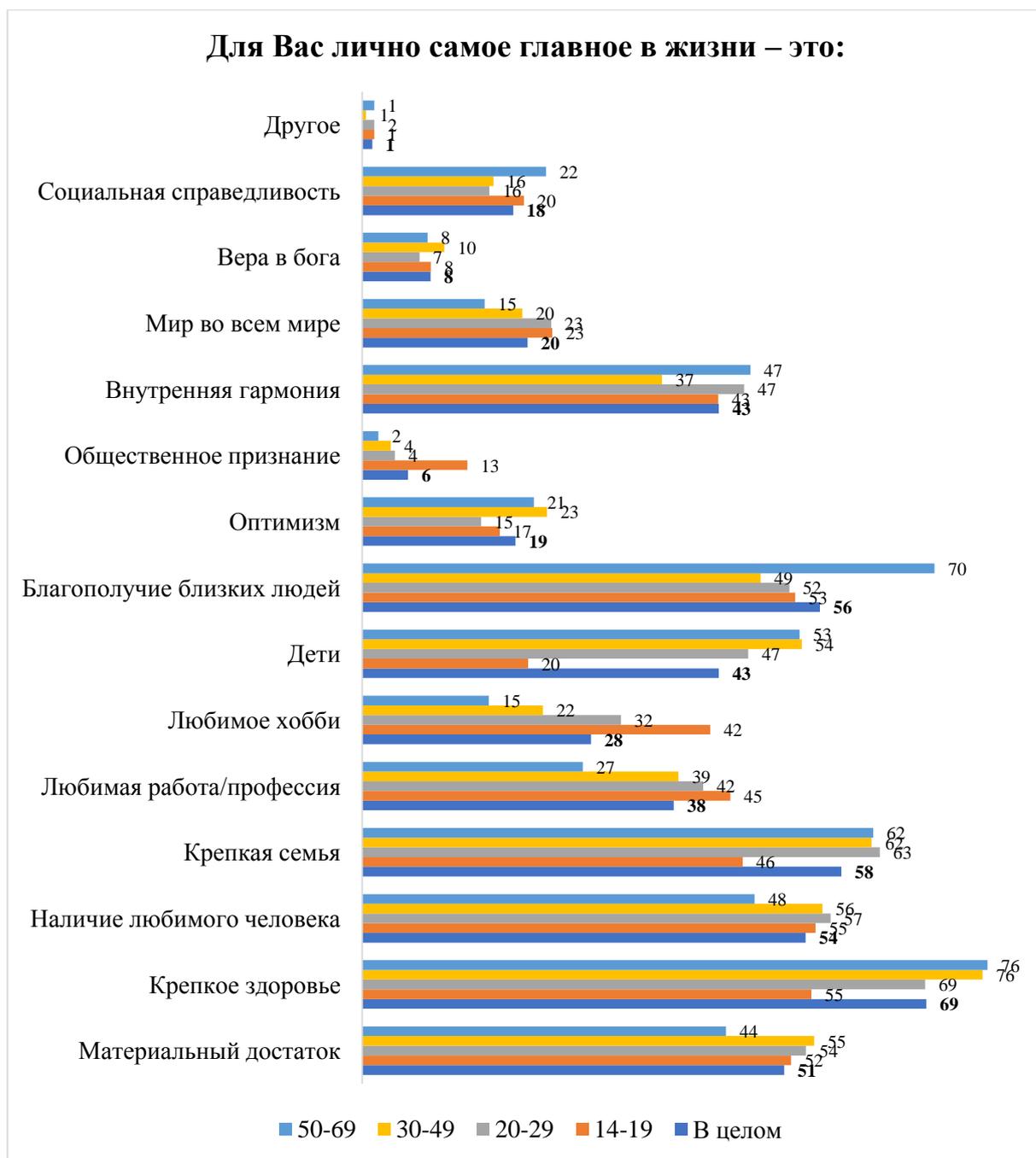

Рис. 3. Иерархия личных ценностей, в %

Безусловный лидер – крепкое здоровье (69%), далее следует крепкая семья (58%) и благополучие близких (56%), наличие любимого человека (54%) и материальный достаток (51%); затем идут дети и внутренняя гармония (по 43%), любимая работа/профессия (38%) и любимое хобби (28%); каждый пятый назвал социальную справедливость (18%), мир во всем мире (20%) и оптимизм (19%); наименее значимы – вера в бога (8%) и общественное признание (6%). Поколенческие различия вновь не носят принципиального характера и предсказуемы: для старшей группы менее

значимы материальный достаток и наличие любимого человека, любимая работа/профессия и хобби, но более важно благополучие близких людей; после 30 лет возрастает значение крепкого здоровья (две три опрошенных против каждого второго подростка); подростки реже отмечают важность крепкой семьи и детей, но чаще – общественного признания, вероятно, потому что пока все перечисленное для них – вещи теоретические, а не практические.

Несмотря на некоторые различия в трактовке счастья и факторов счастья, каждый второй (в большинстве возрастных групп свыше половины опрошенных) может назвать себя счастливым (Рис. 4). Структура распределения самооценок в терминах счастья схожа в возрастных группах и сохраняется, если укрупнить четырехчленную шкалу до дихотомической – считающие себя счастливыми и отказывающиеся определять себя таким образом: во всех поколениях называет себя счастливым человеком абсолютное большинство – показатель достигает пика в группе 20-29-летних, а затем снижается; после тридцати пика достигает доля не согласных называть себя счастливыми (каждый третий).

Рис. 4. Самоопределение в терминах счастья, в %

Объяснить причины поколенческих различий позволяют два уточняющих вопроса – о том, что именно помогает респонденту чувствовать себя счастливым или несчастным (Рис. 5, Табл. 3). Среди факторов личной счастья лидируют семейное благополучие (56%) и здоровье близких (61%), наличие любимых людей (52%) и радость от самой жизни (56%), на втором месте – наличие хороших друзей (39%), благополучное материальное

положение (32%), устраивающая работа/учеба/профессия (29%), радость в детях/внуках (28%) и занятия творчеством (24%). Практически по всем перечисленным основаниям прослеживаются некоторые поколенческие различия, за исключением хорошего материального положения, семейного благополучия и здоровья (по последним двум показателям из общей картины выбиваются подростки, для которых они пока не актуальны). Для ощущения счастья подросткам значительно важнее, чем для остальных поколений, занятия творчеством, интересная деятельность и хорошие друзья. Любимый человек и в целом любовь более важны для 20-29-летних. Для старшего поколения менее значимы и хорошие друзья, и хорошее материальное положение, и интересная работа – все то, чего по объективным причинам часто лишены самые возрастные россияне, которые чаще остальных поколений «просто радуются, что живут».

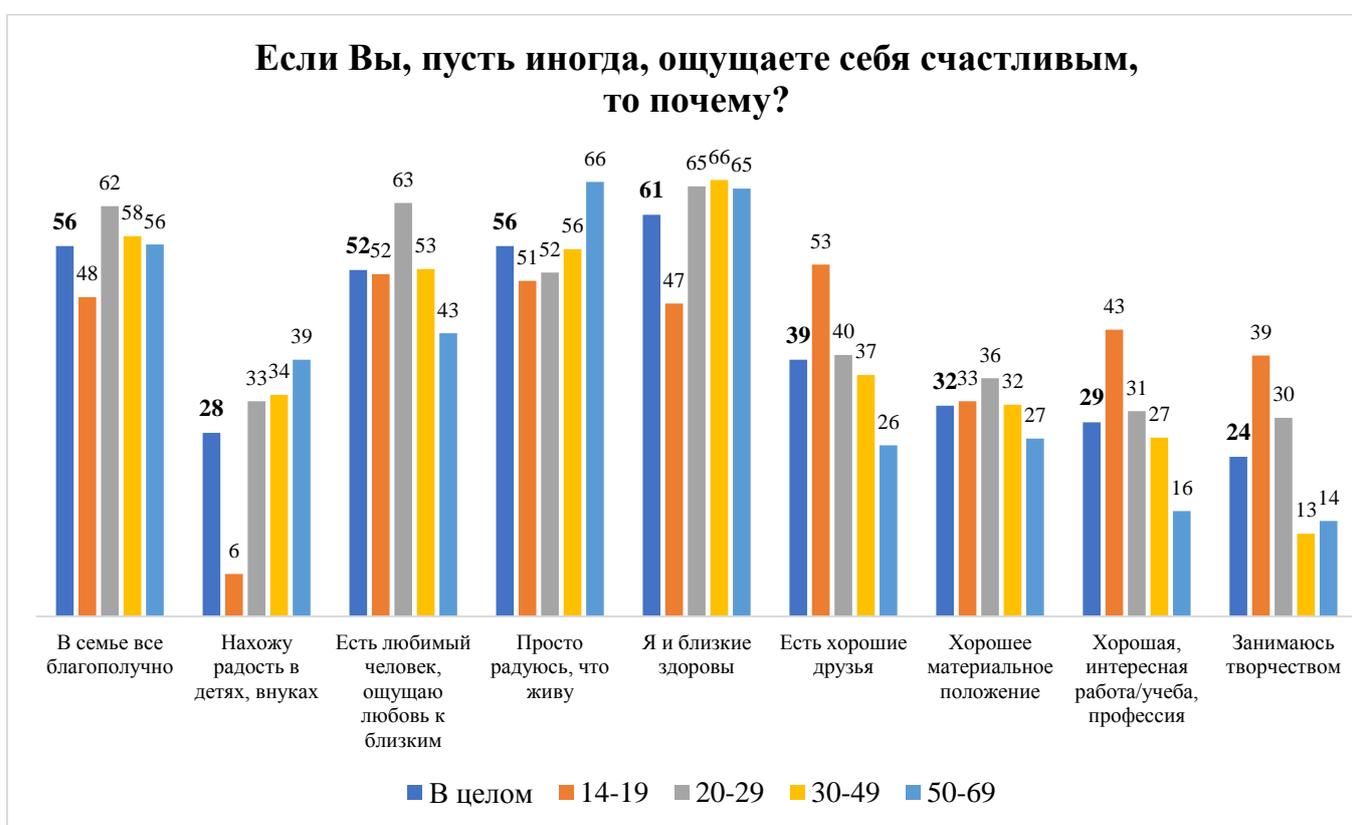

Рис 5. Основания считать себя счастливым, в %

Несчастливыми респондентов делает не только отсутствие факторов счастья, но и другие причины (Табл. 3): прежде всего, нехватка денег (50%) и беспокойство о будущем (47%), болезни и плохое здоровье (43%), лишаящие уверенности в завтрашнем дне (42%), а также накопленная усталость, не дающая радоваться жизни (40%) в сложных жизненных обстоятельствах (37%), одним из которых выступает ощущение несправедливости жизни (37%); каждый третий назвал чувство, что многое не получается, проблемы в семье, тревожную ситуацию в стране и мире, одиночество; каждый четвертый – отсутствие хорошей работы; каждый пятый – хроническое отсутствие времени на отдых.

Поколенческие различия прослеживаются практически по всем факторам несчастливости, за исключением ощущения несправедливости жизни (ее отмечает примерно каждый третий), и по большинству перечисленных факторов наблюдаются изменения с возрастом. Так, чем старше человек, тем меньше его печалит низкий уровень доходов, накопленная усталость, сложные жизненные обстоятельства и личные неудачи, семейные проблемы и хроническое отсутствие времени на отдых, но больше – болезни и плохое здоровье (видимо, следует говорить о минимизации жизненных запросов и пессимистичном фатализме пожилых россиян). Подростки выбиваются из общей картины тем, что чаще переживают за будущее, преувеличивают свою жизненную усталость и сложные обстоятельства, отмечают, что многое у них не получается, они одиноки и страдают от хронического отсутствия времени на отдых (типичная картина противоречивых подростковых стремлений и гиперболизированных самооценок). По ряду факторов несчастливости наблюдается дифференциация ответов по тридцатилетнему рубежу: после него респонденты реже чувствуют себя несчастными, переживая за будущее, отмечая накопленную усталость, проблемы в семье и хроническое отсутствие времени на отдых, но чаще – в силу неуверенности в завтрашнем дне

Таблица 3

Причины ощущать себя несчастным, в %

Варианты ответов	В цело м	14- 19	20- 29	30- 49	50- 69
Не хватает денег, низкий уровень доходов	50	52	56	54	38
Переживаю за будущее	47	58	47	38	44
Болезни, плохое здоровье	43	39	42	44	48
Нет уверенности в завтрашнем дне	42	38	36	44	49
Ничего не радует, накопилась усталость	40	56	45	35	26
Сложные жизненные обстоятельства	37	45	38	36	30
Ощущение несправедливости жизни	37	41	34	32	39
Многое не получается	31	47	30	28	19
Проблемы в семье	31	36	37	29	23
Тревожная ситуация в стране и мире	29	16	33	32	36
Одиночество	29	50	26	23	17
Нет хорошей работы/ не могу найти работу	24	22	27	28	19
Хроническое отсутствие времени на отдых	20	29	27	15	10

Чтобы проверить гипотезу о том, что на прямые личные вопросы россияне склонны давать позитивно-завышенные оценки под давлением фактора социальной желательности (называют себя счастливыми более двух третей опрошенных), в анкету были включены два проективных вопроса – о соотношении счастливых и несчастных людей в окружении респондента и об изменении этого соотношения за год (Рис. 6-7). Хотя большинство себя лично склонны характеризовать как в целом счастливых людей, в своем окружении они наблюдают скорее баланс счастливых и несчастных людей (каждый второй), чем преобладание счастливых (37%), и с возрастом последний показатель снижается (после тридцати лет – 31%, среди подростков – 46%). Большинство опрошенных не заметили изменения соотношения двух групп в своем окружении за прошедший год, но с возрастом снижается доля отметивших увеличение счастливых.

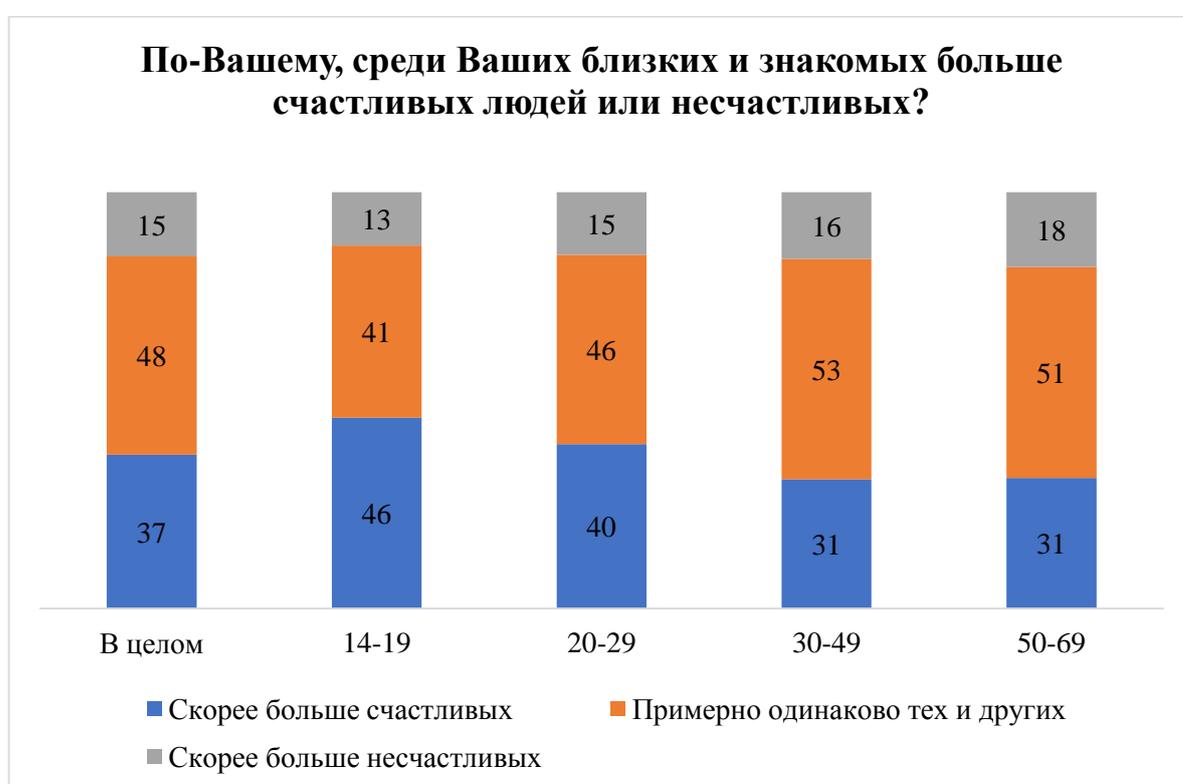

Рис 6. Соотношение счастливых и несчастных людей в окружении, в %

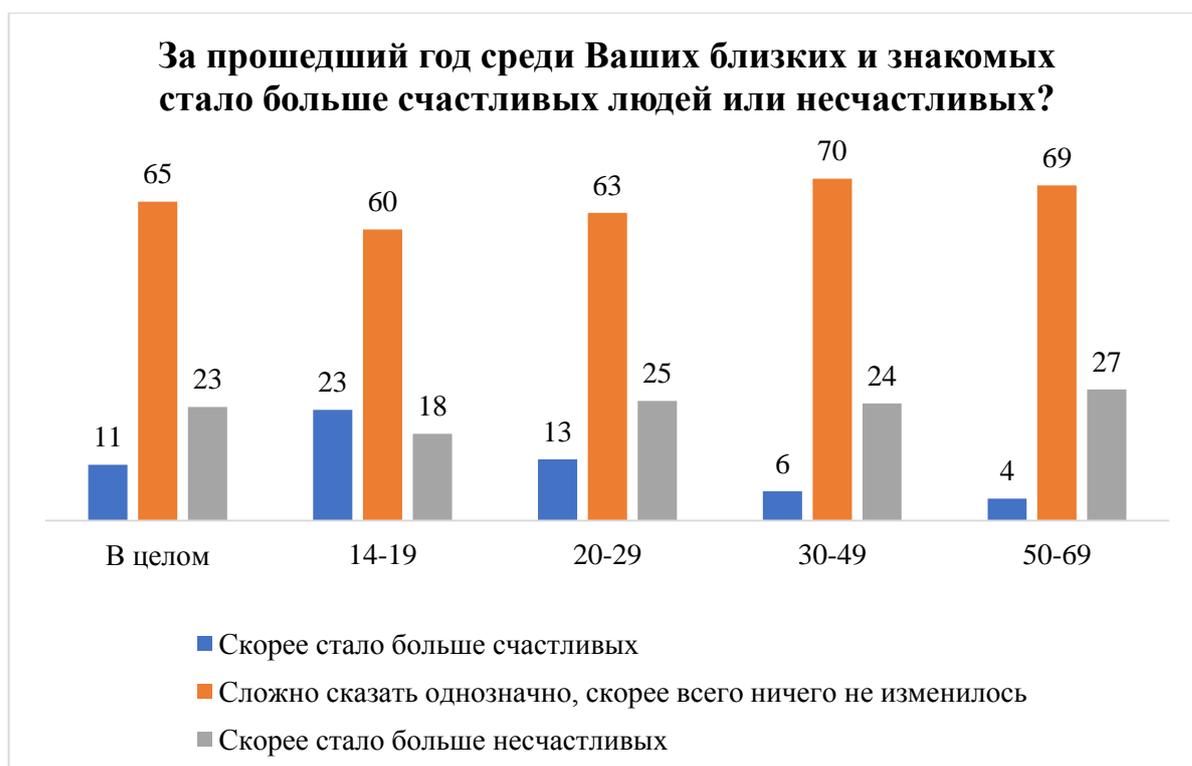

Рис 7. Изменение соотношения счастливых и несчастливых людей в окружении, в %

Выше было отмечено, что ощущение несправедливости жизни – единственный фактор несчастливости, практически в равной мере характерный для всех поколений. Соответственно, возникает вопрос: насколько совпадают трактовки справедливости и проявлений несправедливости у разных поколений? По мнению большинства опрошенных (Табл. 4), социальная справедливость носит, в первую очередь, правовой характер – это равенство всех перед законом (71%); свыше половины респондентов, по сути, уточнили эту трактовку – равенство прав и соблюдение законов (по 58%), равенство возможностей и гарантии безопасности (по 56%), соблюдение большинством моральных норм (53%), свобода слова и отсутствие дискриминации (по 50%), социальные гарантии (49%); каждый третий отметил отсутствие социального неравенства и равенство доходов (по 31%). Здесь наблюдаются поколенческие различия (на фоне единодушного понимания социальной справедливости как равенства прав, соблюдения моральных норм и отсутствия дискриминации), но они незначительны и вполне предсказуемы: с возрастом возрастает важность равенства перед законом и его соблюдения, гарантий безопасности и социальных гарантий, и, напротив, снижается важность свободы слова и равенства доходов. По многим показателям водоразделом вновь выступает тридцатилетний рубеж – после него более значимы всеобщее равенство перед законом, его соблюдение и гарантии, но менее важна свобода слова.

Таблица 4

**У каждого человека есть свое понимание социальной справедливости.
А в чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость? (в %)**

Определение	В цело м	14- 19	20- 29	30- 49	50- 69
Равенство всех перед законом	71	64	66	75	79
Равенство прав	58	61	60	57	55
Соблюдение законов	58	45	57	65	65
Равенство возможностей	56	57	54	56	57
Гарантии безопасности	56	45	54	62	65
Соблюдение большинством людей моральных норм	53	50	51	52	58
Свобода слова	50	64	55	44	38
Отсутствие дискриминации	50	51	52	51	47
Социальные гарантии	49	34	40	55	68
Низкий уровень/отсутствие социального неравенства	31	26	27	30	40
Равенство доходов	31	35	34	30	24

Оценки жизни в российском обществе в категориях справедливости не показали значимых поколенческих различий: примерно каждый второй полагает, что жизнь иногда справедлива, а иногда нет, от 15% до 19% – что жизнь скорее справедлива (сумма ответов «считаю, что жизнь справедлива» и «считаю, что жизнь по большей части справедлива»), каждый третий – что скорее несправедлива (37% после 50 лет). Чтобы получить не только «качественную», но и «количественную» оценку российского общества по критерию справедливости, в анкету был включен вопрос: «Представьте себе лестницу, где 1 означает несправедливейшую жизнь из возможных, а 10 – самую справедливую. На какой ступеньке между 1 и 10, на Ваш взгляд, сегодня находится российское общество?». Большинство оценок сконцентрировалось в интервале между 3 и 7 (среднее – 5), т.е. респонденты избегали крайне позитивных и негативных оценок, но наиболее показательны именно суммы трех значений на каждом полюсе шкалы: самые высокие оценки (максимально справедливое социальное устройство) дал примерно каждый десятый (12% до 30 лет, 16% – с 30 до 49, 10% – после 50); самые низкие оценки (максимально несправедливая жизнь) – 14% до 30 лет, каждый пятый в группе 30-49-летних (20%), каждый четвертый старше 50 лет (25%). Подобные оценки, видимо, носят характер устойчивых социальных представлений, потому что поколенческие различия в характеристике изменений позиции российского общества на этой лестнице за период пандемии почти не наблюдаются: более половины респондентов не заметили изменений, каждый третий полагает, что ситуация со справедливостью

ухудшилась, каждый десятый (но 15% подростков и 5% молодежи) – что, напротив, улучшилась.

Для уточнения критериев высказанных оценок использовался вопрос о том, какие из компонентов социальной справедливости, по мнению респондентов, реализуются в России (в полной мере, отчасти или не реализуются вообще). В Таблице 5 приведены доли выбравших вариант «не реализуются вообще».

Таблица 5

Какие из перечисленных компонентов социальной справедливости, по-Вашему, реализуются в России? Ответ: «не реализуются вообще», в %

Компоненты	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
Равенство доходов	64	51	64	68	72
Низкий уровень/отсутствие социального неравенства	33	27	33	35	39
Равенство всех перед законом	30	16	29	35	42
Равенство возможностей	29	25	30	28	34
Свобода слова	29	26	33	26	28
Равенство прав	26	17	24	30	34
Отсутствие дискриминации	19	22	19	18	19
Соблюдение большинством людей моральных норм	18	16	15	18	22
Гарантии безопасности	17	13	19	18	20
Соблюдение законов	17	9	13	20	25
Социальные гарантии	13	10	13	15	16

Основным нарушением принципа социальной справедливости в стране респонденты считают неравенство доходов; со значительным отставанием за ним идет социальное неравенство – перед законом, прав и возможностей, а также отсутствие свободы слова (от 26% до 33%); завершают список набор проявлений социальной несправедливости (менее 19%) дискриминация, аморальность, высокие социальные риски, несоблюдение законов и социальных гарантий. Если исключить из анализа несколько выбивающихся из общей картины представлений подростков, то в целом с возрастом увеличивается доля отмечающих отсутствие практически всех перечисленных компонентов социальной справедливости (за исключением свободы слова).

Чтобы валидизировать полученные данные, в анкету был включен вопрос о том, какие проявления социальной несправедливости респонденты наблюдают сегодня в России (Рис. 8). В данном случае наибольший интерес также представляет вариант ответа «никогда»: так, от 10% до 18%

подростков никогда не наблюдают перечисленные проявления социальной несправедливости. В целом, за исключением этого показателя и повышения доли уверенных в низком качестве российского образования после 30 лет, наименее наблюдаемые проявления социальной несправедливости – отсутствие гарантий безопасности и нарушение прав и свобод человека.

Рис 8. Никогда не наблюдаемые проявления социальной несправедливости, в %

Впрочем, практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично (Рис. 9).

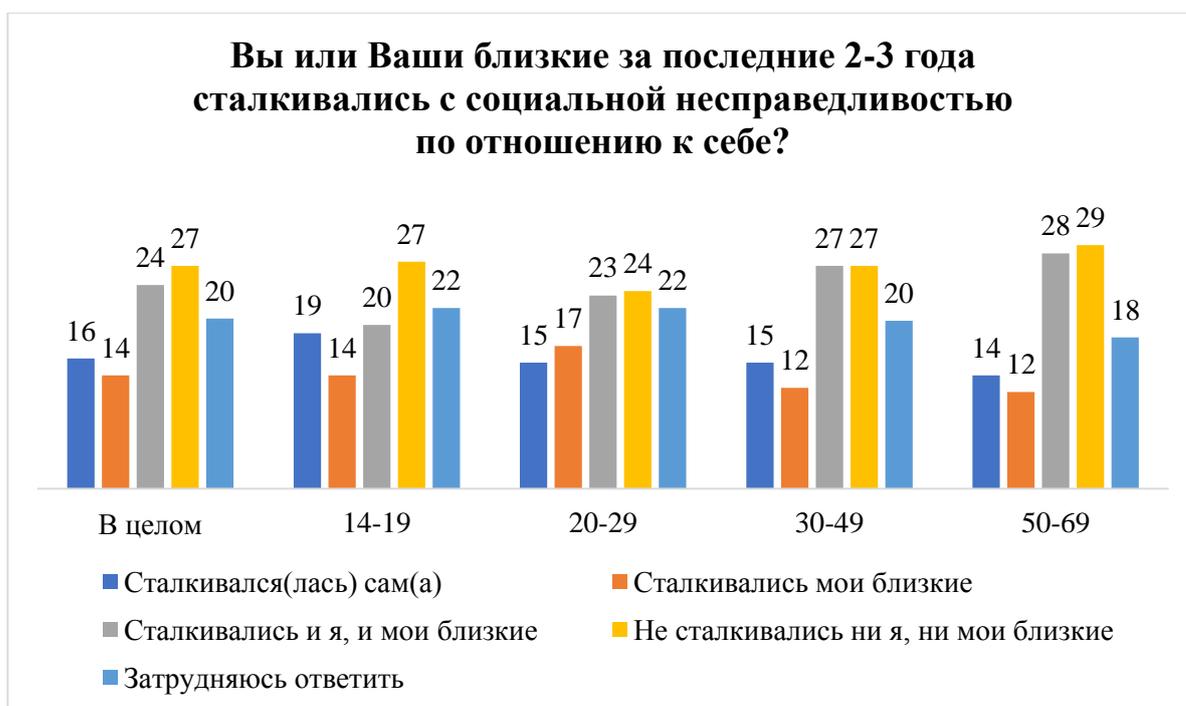

Рис 9. Личный опыт столкновения с социальной несправедливостью, в %

Поколенческие различия по данному вопросу незначительны, если последовательно сопоставлять варианты ответов. Учитывая более значимые расхождения в трактовках справедливости и степени ее проявленности в российском обществе, видимо, рассуждая о социальной (не)справедливости, респонденты скорее воспроизводят устойчивые социальные представления и медийные репрезентации, чем высказывают личное мнение на основе своего жизненного опыта. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос, стало ли российское общество за последние 2-3 года менее/более социально справедливым (Рис. 10): после тридцатилетнего рубежа снижается доля затруднившихся ответить, после двадцати лет возрастает доля полагающих, что ничего не изменилось; среди подростков каждый пятый считает, что российское общество стало более справедливым, но чуть менее трети в остальных возрастных группах (с небольшими колебаниями) уверены, что менее справедливым.

Рис 10. Оценки изменения уровня социальной справедливости, в %

В отличие от счастья, которое большинство опрошенных считает неизмеримым феноменом/абстрактным понятием (наблюдаются существенные колебания ответов до и после тридцатилетнего рубежа), справедливость, напротив, квалифицируется как поддающаяся измерению (свыше 60%), но не в каких-то величинах, а в сопоставлении с прошлым (свыше 52%), и здесь серьезных поколенческих различий не наблюдается (Рис. 11-12).

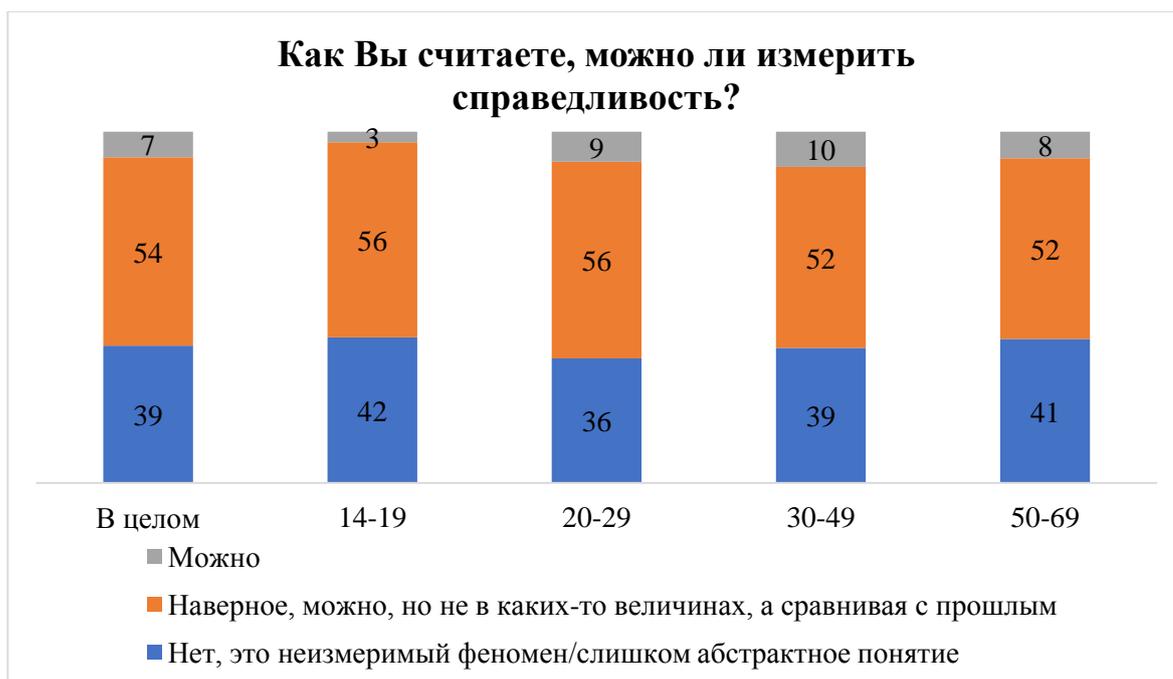

Рис. 11. Оценки измеримости справедливости, в %

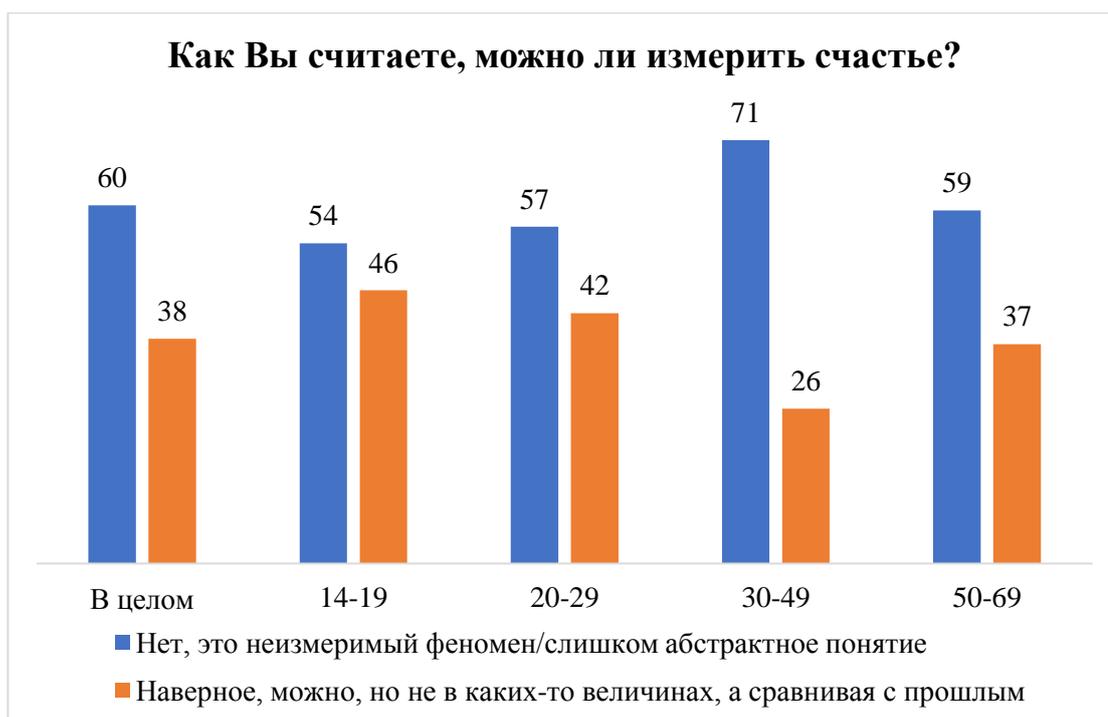

Рис. 12. Оценки измеримости счастья, в %

Таким образом, приведенные фрагменты двух опросов говорят о наличии в российском обществе поколенческого консенсуса в отношении счастья и справедливости – двух фундаментальных ценностных оснований социальной солидарности и социального порядка. У всех поколений доминирует личностная трактовка счастья, т.е., независимо от возраста, россияне считают, что человек сам принимает решение быть счастливым. Поколенческие различия в трактовке счастья и его факторов предсказуемы в том смысле, что детерминированы скорее не мировоззренческими различиями, а объективным снижением качества жизни старших поколений, которым все сложнее находить основания для ощущения себя счастливым во внешних обстоятельствах, поэтому они сосредоточиваются на своем ближнем круге, внутреннем мироощущении и личной ответственности за собственное счастье.

Тем не менее, среди факторов счастливости преобладают «внешние» по отношению к личному решению – здоровье, семья, любимый человек, материальное положение, исполнение желаний/мечты, любимая работа/профессия и свободное время, хотя это тоже «персональные» аспекты жизни. Распределение факторов счастливости соответствует иерархии смысложизненных ценностей, где безусловные лидеры – крепкое здоровье (свое и близких), надежный ближний круг (семейное благополучие), наличие любимого человека и материальный достаток, т.е. наличие всего перечисленного не может не способствовать ощущению себя счастливым, как бы человек ни трактовал счастье. Поколенческие различия здесь не носят принципиального характера и предсказуемы: с возрастом снижается важность материального достатка, любви и дружбы, работы/профессии и

хобби, но возрастает значение благополучия близких и крепкого здоровья. Структура распределения самооценок в терминах счастья схожа во всех возрастных группах – большинство считает себя счастливыми людьми, но после тридцатилетнего рубежа этот показатель начинает снижаться.

Соответственно, отсутствие того, что делает человека счастливым, квалифицируется респондентами как факторы несчастливости – прежде всего, это низкий уровень дохода, болезни и плохое здоровье, но столь же важны беспокойство о будущем и неуверенность в завтрашнем дне, которые тоже мешают радоваться жизни. За исключением ощущения несправедливости жизни, по всем остальным факторам несчастливости прослеживаются поколенческие различия: с возрастом людей все больше печалит низкий доход, накопленная усталость и болезни, сложные жизненные обстоятельства, личные неудачи и семейные проблемы. Вероятно, объективные ограничения заставляют пожилых россиян минимизировать свои запросы и реалистично-пессимистично описывать свое положение, тогда как подростки высказывают субъективно-гиперболизированные оценки, значительно чаще других поколений отмечая в качестве причин своей несчастливости одиночество и хроническое отсутствие времени на отдых.

Если в понимании счастья россияне тяготеют к «личностным» определениям и внутренним (в пределах близкого социального круга) факторам обретения, то справедливость большинство характеризует как правовую, а не морально-нравственную категорию, хотя каждый второй признает важность соблюдения большинством сограждан моральных норм и отсутствия дискриминации. За исключением поколенческого единодушия в трактовке социальной несправедливости как одного из факторов личной несчастливости, по остальным определениям справедливости наблюдаются небольшие и предсказуемые различия: с возрастом (в целом и после тридцатилетнего рубежа особенно) возрастает важность равенства перед законом и его соблюдения, гарантий безопасности и социальных гарантий, но снижается значение свободы слова и равенства доходов.

Однако при этом не прослеживается серьезных поколенческих различий в оценке жизни в российском обществе – каждый второй затрудняется ее сформулировать, каждый третий говорит о несправедливости. Причина таких оценок – убеждение большинства опрошенных, что для страны характерно неравенство доходов, от четверти до трети называют социальное неравенство (перед законом, прав и возможностей) и отсутствие свободы слова, причем с возрастом растут доли отмечающих отсутствие практически всех компонентов социальной справедливости. При этом практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично, т.е. рассуждая о социальной (не)справедливости, респонденты воспроизводят некие социальные стереотипы, а не опираются на личный жизненный опыт.

Иными словами, в российском обществе наблюдаются основания для поколенческой солидарности – счастье и справедливость все возрастные группы определяют схожим образом, поколенческие различия не носят принципиального характера, а если и значимы, то применительно к абстрактно-личностному понятию счастья, а не к более важному для поколенческого диалога и солидарности понятию социальной справедливости.

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. №1.
2. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
3. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. №1.
4. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. №10.
5. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
6. Карабчук Т.С., Сальникова Д.В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5.
7. Климова А.М., Чмель К.Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №1.
8. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. №3.
9. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003.
10. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
11. Леготин Э.В. Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: Дис. к.с.н. М., 2003.
12. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полное собрание сочинение. М., 1976. Т.21.
13. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. №7.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 2002.
15. Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М., 2012.

16. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания. М., 2000.
17. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т.18. №1.
18. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т.18. №2.
19. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М. 2017.
20. Ортега- и- Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
21. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
22. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
23. Семенова В.В. Жизненный путь и социальное самочувствие в когорте 30-летних: от эйфории к разочарованию // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. №5.
24. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
25. Сен А. Идея справедливости / Под науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016.
26. Троцук И.В. Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами // Социальная политика и социология. 2019. Т.18. №1.
27. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т.18. №1.
28. Троцук И.В., Гребнева В.Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т.25. №3.
29. Троцук И.В., Королева К.И. Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т.19. №1.
30. Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №9.
31. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.

32. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 – 1918-1922 гг. М., 1997.

33. Шахматова Н.В. Поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2003.

34. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3.

35. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №6.

36. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol.LIII. No.1.

Сведения об авторе

Троцук Ирина Владимировна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, irina.trotsuk@yandex.ru

Trotsuk Irina Vladimirovna - DSc (Sociology), Professor, Department of Sociology, RUDN University, irina.trotsuk@yandex.ru